

*Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.*

Александр Сергеевич Пушкин

*Я сам был пылинкой в составе огромных
орудий, которыми действовало Провидение.*

князь Николай Борисович Голицын

*Чем менее история правдива, тем больше
она доставляет удовольствия.*

сэр Фрэнсис Бэкон

*У меня не лежит интерес ни к чему,
если только оно не содержит двух убийств
на страницу.*

Говард Филлипс Лавкрафт

ПОШЛЫЙ ДЕТЕКТИВ

В день числа «пи» майор Одинцов не собирался никого убивать.

Говоря строго, майором он давным-давно не был, про необычную дату узнал случайно и тем более не имел такой привычки — на ровном месте лишать людей жизни. А вот поди ж ты: среди бела дня уложил сразу двоих прямо в центре Петербурга, и что теперь делать — большой вопрос..

Промозглым чёрным утром четырнадцатого марта Одинцов, как всегда, приехал на работу около половины восьмого. Вышел из машины и с неодобрением отметил выглядывающие тут и там из-под снега ледяные бугры, похожие на кляксы застывшего конторского клея.

— Уборочка на троечку, — вслух сказал Одинцов; по старой холостяцкой привычке он иногда разговаривал сам с собой. — На троечку уборочка.

В старом парке рыжие фонари размывали предрассветную мглу. Чёрные деревья царапали небо паучьими лапами веток. Пронзительные порывы ветра вышибали слезу. Одинцов пнул подвернувшуюся ледышку, запахнул куртку и двинулся к стылой громаде Михайловского замка. На служебном входе коротко пожал руку охраннику, обронил обычное: «Как дела?» — и услышал такое же традиционное: «Без происшествий».

Одинцов работал заместителем начальника службы безопасности музея, расположенного в замке, и сейчас оказался за главного — начальник грипповал дома.

Впрочем, временное повышение не нарушило привычного распорядка. В кабинете Одинцов поменял уютный джемпер и джинсы на рубашку с галстуком и тёмно-серый костюм, а высокие ботинки со шнуровкой — на сияющие туфли. До восьми он успел ещё свериться с рабочим журналом, чтобы освежить в памяти предстоящие дела...

...и день начался. Инструктаж и развод охраны, доклад ночной смены, возня с документами, телефонные звонки, совещание... Всё как всегда, привычная рутина.

Первую сигарету Одинцов позволял себе только после обеда. Конечно, он мог дымить и в кабинете — кто бы сказал хоть слово? — но порядок есть порядок. Хочешь спрашивать с других — спроси для начала с себя. Так его учили. Поэтому курил Одинцов на общих основаниях, где положено.

Газета лежала в курилке на диване — видать, оставил кто-то из охранников. Одинцов мельком пролистал её, пока тлела сигарета. Шквал рекламы, старые анекдоты, безграмотные кроссворды, перевернутые слухи, скучные гороскопы — одноразовое месиво для размягчённых мозгов...

...но одна статейка всё же привлекла внимание Одинцова благодаря иллюстрации — *витрувианскому человеку* Леонардо да Винчи: посреди текста на большом рисунке раскинул руки в стороны патлатый мускулистый мужчина, вписанный в круг и в квадрат одновременно. Одинцов пробежал глазами первый абзац.

14 марта — самый необычный праздник в мире: это Международный День числа «пи»! В западных странах пишут сначала номер месяца, а затем дня, поэтому дата выглядит как 3.14 — то есть как первые цифры удивительного числа.

Дальше автор сообщил Одинцову, что магическая константа была известна ещё древним волхвам, которые использовали её в расчётах Вавилонской башни. Волхвы ошиблись не так уж сильно, и всё же колоссальное сооружение рухнуло. «Для простоты расчётов число «пи-военное» принимается за три ровно!» — вспомнил Одинцов слова преподавателя из давнего курсантского прошлого. Зато мудрый царь Соломон, продолжала газета, умудрился исчислить «пи» намного более тщательно — и построил Иерусалимский Храм, равных которому не было в веках.

В статейке упоминались Эйнштейн, которому повезло родиться в День числа «пи», и Архимед, сумевший определить миллионные доли константы. Финал звучал патетично.

В наши дни проверены более пятисот миллиардов знаков числа «пи». Их комбинации не повторяются — следовательно, число представляет собой непериодическую дробь. Таким образом, «пи» — не просто хаотическая последовательность цифр, но сам Хаос, записанный цифрами! Этот Хаос можно изобразить графически, а кроме того, есть предположение, что он — разумен.

Одинцов аккуратно погасил окурок, отправил его в урну вслед за газетой и вернулся в кабинет. Его ждало куда более увлекательное чтение: документация к новой системе видеонаблюдения, которую монтировали в замке.

По экрану компьютера плавала заставка — цифровые часы. В статейке говорилось: число «пи» — это 3.14159, поэтому праздник в его честь наступает третьего месяца четырнадцатого дня без одной минуты в два часа пополудни. Разумный Хаос, который записан цифрами...

Чушь, одно слово.

Часы на заставке показывали именно час и пятьдесят девять минут, когда раздался стук в дверь. «Без опоздания», — удовлетворённо отметил Одинцов, оценивший пунктуальность, и встал из-за стола. Встреча была назначена на два.

В кабинет вошли двое мужчин — один помоложе и по-выше, атлетического вида, другой постарше и покоренастее, с глазами спаниеля. У обоих к волосам на макушке заколкой крепилась маленькая чёрная кипа.

— *Shalom! Nice to meet you, gentlemen. I am...* — начал Одинцов, демонстрируя вполне приличный английский, но коренастый с вежливой улыбкой прервал его:

— Здравствуйте, мы говорим по-русски.

В Михайловском замке готовились к представительной международной конференции. Уровень участников предполагал вооружённую охрану. Израильские коллеги приехали к Одинцову, чтобы урегулировать формальности.

Говорил и действовал старший, напарник молча подавал ему бумаги. Обычная процедура. Только когда Одинцов собрался поставить подпись на документах, молодой попросил воспользоваться их ручкой со специальными чернилами.

— Вы же понимаете, — извиняющимся тоном сказал он. Одинцов понимал.

— Враги не дремлют, и мы стараемся не отставать, — добавил старший израильтянин. — Они всё время что-нибудь придумывают, и мы тоже. Безопасность — это святое.

Молодой добыл из атташе-кейса кожаный пенал и передал старшему. Тот открыл крышку и положил пенал на стол. Одинцов вынул оттуда винтажную массивную ручку с золотым пером и с удовольствием повертел в пальцах.

— Солидная вещь, — оценил он, расписался несколько раз там, где ему указали, и вернул ручку в пенал.

Проводив гостей, Одинцов снова бросил взгляд на часы — время пришло! — и набрал номер мобильного. «Абонент

недоступен или находится вне зоны действия сети», — сообщила ему безразличная механическая барышня. Ещё несколько звонков дали тот же результат.

— Варакса, — укоризненно сказал Одинцов, глядя на трубку, — ты решил теперь вообще не работать?

Варакса был старинным другом Одинцова, увлечённым рыбаком и вдобавок — преуспевающим владельцем сети станций автосервиса с лаконичным названием, состоявшим всего из двух цифр — 47. Пару дней назад Варакса умотал за корюшкой на Ладогу. А в головной мастерской сети «47» чинили машину Одинцова, поймавшую колесом открытый люк на заснеженной улице.

То ли укор подействовал, то ли хитрый Варакса всё же получал уведомления о вызовах, но вскоре со станции Одинцову позвонили с радостной вестью: машина готова, можно забирать.

Ползти вечером через пробки совсем не хотелось, и Одинцов решил поехать в мастерскую прямо сейчас. Начальник он, в конце концов, или не начальник?! Основные дела сделаны, служба работает... Одинцов отдал кое-какие распоряжения, вернул костюм на вешалку, снова натянул джинсы, сунул ноги в высокие ботинки на толстой рубчатой подошве — и поспешил убыть.

С неопрятного белёсого неба сыпал обычный для Петербурга мартовский коктейль: то ли снег с дождём, то ли дождь со снегом. Одинцову пришлось вытащить из багажника щётку и почистить машину: на время ремонта он позаимствовал внедорожник «вольво» у сердобольного Вараксы. Тот утюжил сейчас обледенелые ладожские берега на могучем «лендровере», над которым хорошенько поколдовали в мастерской «47».

Одинцов заканчивал махать щёткой, когда увидел Мунина. Нескладный сутулый парень медленно брёл от замка в его

сторону. Он прижимал к животу матерчатую сумку, висевшую через плечо на длинном ремне, внимательно глядел под ноги — и всё же оскальзывался.

— Привет, наука! — крикнул Одинцов.

Мунин озябшими пальцами приподнял край капюшона. Мокрый снег тут же залепил стёкла больших очков.

— Я здесь! — Одинцов помахал рукой, и Мунин его увидел. — Могу подбросить.

— Здравствуйте, — сказал Мунин, подходя к машине. — Мне бы до метро, если вас не затруднит.

— До метро само собой. А вообще куда надо?

Им оказалось по пути.

Молодой историк работал в научной части музея. Знакомство Мунина с Одинцовым было недавним и шапочным: они разок-другой пообедали за одним столиком в служебной столовой, перекинулись несколькими фразами и теперь здоровались при встрече. Но для замкнутого Мунина даже это выглядело достижением.

Одинцов ему нравился. Во-первых, потому, что не только задавал вопросы по делу, но и слушать умел. Во-вторых, потому, что не чувствовалось в его поведении вахтёрской снисходительности, обычной для охранников. В-третьих — чего греха таить? — щедущий очкарик Мунин безнадежно мечтал быть таким же уверенным в себе, статным и плечистым; научиться носить костюм и не отводить взгляд в разговоре... Колоритный образ Одинцова довершали седой клок в аккуратной причёске и наполовину седая левая бровь.

В машине Мунин с удовольствием устроился на подогретой коже переднего сиденья. Одинцов вырулил на Фонтанку, и они поехали вдоль замка по набережной.

— Как дела на интеллектуальном фронте? — спросил Одинцов. — Затяжные бои с оппонентами? Окопная война?

— Хватит, насиделись мы в окопах, — в тон откликнулся Мунин и ладонью похлопал по сумке, лежащей на коленях. — Наметился прорыв.

Учёный, надо же... Одинцов прикинул: парнишка недавно закончил университет, в армии наверняка не служил — то есть ему от силы лет двадцать пять. В пятьдесят с копеечкой у Одинцова вполне бы мог быть сын такого возраста. Только вряд ли близорукий — и уж точно спортсмен, а не рохля.

— Проры-ыв? — Одинцов приподнял полуседую бровь и кивнул на сумку. — Нарушение охраняемого периметра? Стащили какой-нибудь раритет?

— Что вы, что вы, — снова подыграл Мунин, — красть грешно! Тут всё своё, родное.

Он откинул клапан сумки и вынул толстую тяжёлую папку в красной обложке. Видно было, что ему не терпится похвастать.

— Это как у Пушкина: «Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний», — продекламировал историк и, глядя на папку с любовью, взвесил её в руках. — Я пока не могу рассказывать, не имею права. Хотя вы человек от науки далёкий, вам можно. Вы ведь никому?.. В общем, получается, что как минимум три русских царя занимались одним и тем же.

— По-моему, все цари занимались примерно одним и тем же, — предположил Одинцов, — разве нет?

Мунин досадливо поморщился.

— Я не то хотел сказать. Мне удалось обнаружить и документально подтвердить, что Иван Четвёртый, Пётр Первый и Павел действовали по единой схеме. Как будто решали одну и ту же задачу. Каждый в своё время и каждый в своих обстоятельствах, но всё-таки... Более того, не только задача была общая, но и способы решения. Ощущение такое, что они

действовали по инструкции, где сказано: делай так, так и так. Понимаете?

— Нет, — легко признался Одинцов.

— Это неудивительно. Даже я сначала не понимал, — заявил Мунин.

Одинцов посмотрел на него с иронией из-за этого *даже*, но историк взгляда не заметил и продолжил:

— Вообще никто ничего не понимал и внимания не обращал! Вы правильно говорите, что все цари занимались примерно одним и тем же. И эти трое тоже, но только до определённого момента. А потом вдруг начинали совершать похожие поступки. Парадоксальные и необъяснимые.

— Может, они для вас парадоксальные, — предположил Одинцов, — а для современников — ничего особенного.

— То-то и оно, что современники сомневались, в своём ли уме государь! — Мунин раздухарился и сел боком, повернувшись к Одинцову. — Иван, и Пётр, и Павел даже самых близких пугали. Сначала вроде вели себя привычно, а потом — щёлк! — и словно включалась какая-то другая программа, непонятная и потому особенно пугающая. Вот из-за чего этих троих боялись и ненавидели, как никого другого.

— Погодите. Иван Четвёртый — это ведь Иван Грозный? Мунин кивнул.

— Ну, тогда вопросов нет, почему боялись и ненавидели. Он же редкий кровосос. Родного сына убил? Убил. И людей казнил без разбора направо и налево...

— Не был Иван кровососом! — возмутился Мунин. — И сына не убивал, и казнил только тех, с кем иначе нельзя было. Вы повторяете сплетни, которым четыреста лет с хвостиком! Их ещё при жизни Ивана Васильевича сочинять начали. И в учебниках до сих пор врут, и никто правды не знает!

— А вы, получается, знаете? — Одинцов снова лукаво глянул на Мунина.

— Знаю.

Свернув за разговором у заснеженного Летнего сада, они переехали мост через Фонтанку, поблёскивающий золотом перил; миновали терракотовую с белыми прожилками глыбу Пантелеймоновской церкви — памятника первой морской победе Петра Первого — и покатали к Литейному проспекту.

Мунин уже успокоился.

— Видите ли, — сказал он, — есть как бы две правды. Это нормально в любой науке, а в истории особенно. Есть правда для обывателей. Для вас, извините, и для них.

Историк махнул рукой в сторону прохожих за окном машины, и Одинцов уточнил:

— Для массы? Для народа?

— Для народа. А я имею в виду правду для специалистов, которые знают предмет более глубоко и разносторонне. То, что вам известно про Ивана Грозного — это примитивная схема, которая грубо слеплена, проста для запоминания и удобна в использовании. Но мы, историки...

— Вы только сейчас говорили, что кроме вас никто не знает правды. Теперь оказывается, что её знают все историки. Противоречие, однако!

— Нет никакого противоречия. Любой мой коллега, если он действительно профессионал и притом не ангажированный, с документами в руках за пять минут объяснит вам, почему Иван Грозный — не кровосос. В отличие от обывателей, которые получают сразу готовую схему, нам полагается собрать факты, потом проверить их на достоверность и только тогда уже складывать один к другому. Проблема в том, что учёный обычно стремится подтвердить или опровергнуть какую-то гипотезу — свою собственную или своих предшественников. Поэтому интерпретирует события с заданным результатом, и картина получается необъективной.